

К ВОПРОСУ О ДУБЛЕТНОСТИ ИНФИНИТИВА И СУПИНА В СОВРЕМЕННОМ РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Кабанова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются общие синтаксические функции инфинитива и супина в современном румынском языке. Эти две неличные формы глагола остаются предметом острых дискуссий по причине своей необычной диахронической трансформации – в процессе эволюции румынского языка долгий инфинитив подвергся субстантивации, а отглагольное существительное (именной супин), напротив, постепенно трансформировалось в глагольный супин. В результате этого процесса в румынском языке появились и сосуществуют две сходные неличные формы глагола, которые употребляются в одних и тех же синтаксических позициях. Большинство исследований, рассматривавших проблематику инфинитива и супина в румынском языке, было посвящено их конкуренции с конъюнктивом, а целью данной работы является исследование их синтаксического поведения и выявление взаимоотношений внутри этой пары. Предпринятый в статье сравнительно-сопоставительный анализ общих синтаксических позиций инфинитива и супина и их дистрибуции внутри каждой из позиций позволил сделать вывод о том, что инфинитив и супин обладают богатым набором общих синтаксических функций, но между ними нет полного функционального сходства. Каждая форма имеет собственный набор семантико-грамматических характеристик, разную валентность, сочетаемость и стилистическую приуроченность, что определяет её синтаксическое поведение.

Ключевые слова: современный румынский язык, неличная форма глагола, инфинитив, супин.

Без преувеличения можно сказать, что в системе неличных форм глагола румынского языка инфинитив и супин занимают особое место. Эти глагольные формы традиционно пользуются повышенным вниманием лингвистов, так как, несмотря на свою функциональную близость, они обладают рядом существенных отличий. С одной стороны, и инфинитив, и супин выполняют по большей части одинаковые синтаксические функции в предложении и, с семантической точки зрения, сближаются с существительным, однако в грамматическом аспекте эти вербоиды оказываются полярно противоположными друг другу, ведь одна форма (инфинитив) обладает рядом глагольных морфологических характеристик (выражает время и залог), а другая

(супин), напротив, лишена словоизменительных грамматических категорий, характерных для глагола как части речи. Если же обратиться к истории возникновения и развития этих глагольных форм, то и здесь обнаружится немало как общих черт, так и любопытных противоречий. Так, румынский инфинитив привлекал многих крупных лингвистов, в первую очередь, как форма «исчезающая» [22, с. 75-77] или «вытесняемая» [21, с. 161] конъюнктивом. Подобные прогнозы относительно будущего румынского инфинитива появлялись тогда, когда исследователи рассматривали языковые процессы в румынском языке сквозь призму тенденций, общих для балканской языковой общности (ведь инфинитив оказался полностью вытеснен в таких языках, как ново-

греческий, болгарский и албанский). Действительно, в процессе развития румынского языка исконный «долгий» латинский инфинитив (с суффиксом *-re*) также вышел из глагольной системы и подвергся полной и окончательной субстантивации. Однако параллельно с этим процессом в качестве глагольной формы возникла и стала употребляться краткая форма инфинитива (без *-re*), хотя сфера её употребления в приглагольной позиции была значительно сужена конъюнктивом. В связи с этими особенностями эволюции румынского глагола особенно важной в аспекте нашего исследования представляется история возникновения и развития румынского супина, ведь супин, некогда существовавший в латыни, не сохранился ни в одном романском языке. Преемственность между румынским вербоидом и латинским супином также маловероятна¹, но тогда возникает вопрос, откуда появился румынский супин? Наиболее последовательной в ответе на данный вопрос выглядит попытка объяснения его возникновения, известная в лингвистической науке как теория «вторичной инфинитивации», автором которой являлся отечественный исследователь в области балканистики М. А. Габинский. По мнению лингвиста, румынский супин не был унаследован напрямую из латыни, а возник в более поздний период как ещё один инфинитивный дублет на фоне ослабления позиций первичного инфинитива. Новая глагольная форма представляла собой тип «предлог + причастное имя действия»² (например, *de făcut*), которая постепенно стала употребляться в позициях, нехарактерных для имени, что привело к утрате ею категории падежа и превращению в глагольную форму [1, с. 54-56]. Таким образом, мы можем говорить о противоположных эволюционных процессах для инфинитива и супина – в ходе развития румынского языка исконный инфинитив перешёл в разряд существительных, а супин, напротив, превратился из именной формы в глагольную³. В современном румынском языке два типа супина (супин-неличная форма глагола и супин-существительное) продолжают сосуществовать. В одном предложении они могут сле-

довать друг за другом: *Renunță la fumat* (супин), *pentru că fumatul* (существительное) *dăunează sănătății* «Откажись от курения, так как курение вредит здоровью» [2, с. 10]. Причём чёткого формального разграничения этих двух типов супина, как в случае с долгим и кратким инфинитивом, в современном языке не существует. Принадлежность формы к глагольной или именной системе выводится из контекста, например, по наличию/отсутствию артикля⁴ или, наоборот, прямого дополнения. Ввиду отсутствия словоизменительных категорий глагола у супина, некоторые исследователи не различали именную и глагольную формы супина и не рассматривали последний в качестве вербоида [8, с. 42].

Необходимо отметить, что хотя теория «вторичной инфинитивации», в результате которой в румынском языке мог появиться супин, не получила большой популярности среди лингвистов, тем не менее, в современной лингвистической науке практически повсеместно отрицается происхождение румынского супина от латинского и отмечается семантико-синтаксический параллелизм супина и инфинитива. Таким образом, мы видим, что на определённом этапе развития румынского языка появились две функционально близкие друг другу неличные формы глагола, занимающие одни и те же синтаксические позиции в предложении. И эти синтаксические позиции инфинитив и супин были вынуждены «отвёвываться» у получившего широкое распространение конъюнктива.

В современном румынском языке инфинитив и супин действительно продолжают конкурировать с конъюнктивом, но пока остаётся без ответа другой, не менее важный вопрос, существует ли острая конкуренция этих форм между собой, или же каждая из них заняла определённую синтаксическую «нишу» в языке, и, следовательно, доводы об их «вытеснении» или «исчезновении» более не актуальны? Возможно, представленный в статье сравнительно-сопоставительный анализ особенностей синтаксической сочетаемости и семантики инфинитива и супина в общих для них позициях в предложении позволит пролить свет

¹ Уже в начале эпохи Империи супин для живого разговорного латинского языка был формой мёртвой [7, с. 274].

² Сравни с препозитивной частицей *a*, появившейся при краткой форме румынского инфинитива и восходящей к латинскому предлогу *ad*, изначально употреблявшемся при герундии, а потом перешедшим и на инфинитив: [4, с. 37], таким образом, и инфинитив, и супин восходят к падежным формам имени действия.

³ Превращение супина в глагольную форму, видимо, произошло достаточно поздно – первые письменные источники, в которых при супине появляется прямое дополнение, датируются концом XVII века [10, с. 161].

⁴ Отметим, что именной супин не обладает полнотой грамматических характеристик существительного (в отличие от долгого инфинитива) – он не употребляется с неопределённым артиклем и не имеет формы множественного числа, хотя единичные примеры такого употребления (во множественном числе) можно встретить в ранних письменных источниках [9, с. 259].

на решение этой проблемы и определить степень дублетности этих форм.

Инфинитив и супин способны к независимо-употреблению – могут выполнять функцию подлежащего в предложении и в этой позиции нередко выступают как взаимозаменяемые глагольные формы. Ср.: (*E*) *ușor de spus, dar greu de făcut* 'Легко *сказать*, но трудно *сделать*' (супин) / *E ușor a scrie versuri...* (Em.Crit., с. 224) 'Легко *писать* стихи...' (инфинитив). При переводе на русский язык румынские конструкции с инфинитивом и супином в субъектной функции передаются инфинитивом. Примечательно, что конструкций типа «глагол 'быть' + модальное наречие + супин» (*e ușor de spus* 'легко *сказать*', *imposibil de ghicit* 'невозможно *догадаться*' и др.), где супин выполняет функцию подлежащего, довольно много в паремийном фонде – в пословицах и поговорках. Также супин играет роль подлежащего в устойчивом словосочетании *rămâne de văzut*⁵, которое на русский язык переводится поговоркой «поживём – увидим». Как видно из примеров, для разговорного современного румынского языка супин в субъектной функции остаётся живым и довольно распространённым явлением, в то время как инфинитив в роли подлежащего характерен скорее для письменной речи. Особенно частотны сочетания инфинитива с глаголом *a însemna* 'значить': *a iubi însemnă a ierta* 'любить значит прощать'. К тому же, подобные конструкции могут с лёгкостью трансформироваться – краткая форма может замещаться долгой, т. е. собственно инфинитив – отглагольным существительным: *iubirea însemnă iertare* 'любовь значит прощение'. Смысл фразы при этом не меняется, и на русский язык будет переводиться практически идентично – уже не инфинитивом, а существительным (*любовь*). Однако замещение данной позиции супином уже невозможно, так как конструкции типа *de iubit însemnă** не характерны для румынского языка. В целом, и супин и инфинитив способны играть роль подлежащего только в безличных конструкциях, но при этом обе глагольные формы могут иметь при себе прямое дополнение – ср.: *rămâne de stabilit* (супин) *adevărul* 'остаётся *выяснить* (установить) *правду*' и *se poate spune orice* 'можно *сказать что угодно*'. Правда, в случае с супином такие конструкции представляют некоторую двусмысленность, так как при вынесении прямо-

го дополнения супина в начало возможна уже иная синтаксическая трактовка: *Adevărul rămâne de stabilit* можно перевести как '*Правда остаётся быть установленной*'. Ввиду отсутствия у супина категории залога, однозначно вывести из контекста, страдательное или действительное у него значение, невозможно. Если у супина значение действительного залога, то он играет роль подлежащего в предложении с инверсией (*Adevărul rămâne de stabilit* '*Правду остаётся выяснить*'), но если он выражает значение страдательного залога, тогда слово *правда* выполняет функцию не прямого дополнения, а подлежащего, и супин при нём становится именной частью составного сказуемого (*Adevărul rămâne de stabilit* '*Правда остаётся быть установленной*'). В случае, если прямое дополнение инфинитива будет вынесено вперёд, разночтений в синтаксической схеме предложения не будет. В конструкции типа *Orice poate fi spus* '*Что угодно может быть сказано*' инфинитив выражает страдательный залог и становится частью сказуемого⁶. Таким образом, наличие у инфинитива грамматической категории залога порой позволяет точнее определять его синтаксические функции в предложении.

Ещё одна синтаксическая позиция, характерная для имени существительного, с которым функционально и семантически сближаются инфинитив и супин, – это дополнение. Надо отметить, что академическая грамматика румынского языка с формальной точки зрения дробит сложное глагольное сказуемое на простое глагольное сказуемое (модальный или фазисный глагол) и прямое дополнение (инфинитив или супин). Это те самые приглагольные позиции, из которых анализируемые вербоиды наиболее часто вытесняются конъюнктивом. Тем не менее, в сочетании с рядом модальных и фазисных глаголов в современном румынском языке регулярно употребляются именно инфинитив и супин. В функции прямого дополнения супин выступает в сочетании с глаголом *a avea* 'иметь': *Se avem de făcut în caz de incendiu* 'Что нам *нужно делать* в случае пожара', в то время как инфинитив может сочетаться с глаголом *a avea* с предлогом *de* (по сути, образуя уже косвенное дополнение, хотя и беспредложное употребление возможно): *Coreea de Nord avertizează că președintele ales al SUA va avea de-a face cu un «stat nuclear»* [16] 'Северная Корея предупреждает, что избранный президент США

⁵ Инфинитив также может сочетаться с глаголом *a rămâne*, но подобные конструкции носят более книжный характер.

⁶ В румынской синтаксической традиции такие позиции в предложении принято считать дополнением.

будет *иметь дело* с «ядерным государством». В рассмотренных синтаксических конструкциях значения супина и инфинитива не идентичны – конструкция с супином обладает модальной семантикой, т. е. выражает значение долженствования, а конструкция с инфинитивом не имеет выраженного модального компонента, что очевидно при переводе на русский язык: ср. ‘**должны делать**’/ ‘**будет иметь дело**’⁷. В целом, сочетания супина с модальными глаголами не характерны для румынского языка, ведь в самой этой форме имплицитно присутствует модальность, так что сочетания супина с глаголом быть (*a fi*) имеют значение долженствования: *este de reținut* ‘надо **запомнить**’. Иная ситуация складывается вокруг инфинитива – его сочетания с глаголом *a putea* ‘мочь’ встречаются очень часто не только в письменной, но и в разговорной речи. С семантической точки зрения, конструкции *pot să spun* (с конъюнктивом) и *pot spune* (с инфинитивом) ‘могу **сказать**’ практически ничем не отличаются друг от друга. В безличных же конструкциях инфинитив оказывается даже предпочтительней: *se poate spune* ‘можно **сказать**’. Особенностью данной конструкции является максимальная слитность глагола ‘мочь’ с инфинитивом, ведь между этими двумя компонентами не допускается присутствие каких-либо ещё слов, даже инфинитивной частицы *a*.

Как было отмечено выше, сочетания супина и инфинитива с фазисными глаголами румынскими синтаксистами принято рассматривать в качестве простого глагольного сказуемого с прямым или косвенным дополнением. Примечательно, что некоторые фазисные глаголы проявляют избирательность в выборе между инфинитивом и супином. Так, глагол *a începe* ‘начинать’ сочетается только с инфинитивом: *...abia după ore reapare imaginea lui și încep a plînge...* [12, с. 90] ‘через несколько часов его образ предстаёт [предо мной] вновь, и я **начинаю плакать**’. Отметим, что супин как неличная форма глагола не сочетается с этим глаголом, при этом супин-существительное возможен в этой позиции: *Trebuie să înceapă cititul și scrisul* досл. ‘Он должен был начать **чтение и писание**’ [6, с. 92]. Вместе с тем, сочетания супина с такими фазисными глаголами, как *a se apuca* ‘начать, взяться’, *a termina* ‘прекратить’, *a se opri* ‘остановиться’ характерны как для письменной,

так и для устной речи: *Trebuie să-și termine întii de scris declarația* [14, с. 35]. ‘Сначала он должен **закончить писать** свои показания’ (здесь супин в функции прямого дополнения) или *Din când în când, Leana se oprea din cântat, își lăsa alăuta pe genunchi și asculta și ea* [11, с. 80] ‘Время от времени, Ляна **прекращала петь**, клала лютню себе на колени и тоже слушала’ (здесь супин в функции косвенного дополнения). Кроме того, возможны сочетания супина и инфинитива и с другими (не только модальными и фазисными) глаголами. Например, *M-am plictisit de așteptat* ‘Мне надоело **ждать**’ (супин) или *...atunci nu mai rezista de-a le scrie pe hîrtie...* [14, с. 32] ‘... тогда он уже не мог удержаться, чтоб не **написать** их на бумаге (досл. не удержался **написать** – инфинитив)’. Примечательно, что с глаголами типа *a crede* ‘полагать’, *a pretinde* ‘претендовать’ и др., которые обычно сочетаются с индикативом, а не конъюнктивом, в последнее время всё чаще стал употребляться инфинитив⁸: *Bunăoară, marxismul pretindea a fi descoperit legea unei concordanțe între anumite faze de dezvoltare tehnologică și economică...* [18, с. 100] ‘Однажды марксизм претендовал на то, что открыл (досл. претендовал **открыть**) закономерность определённых соответствий между фазами технологического и экономического развития...’

Инфинитив и супин также способны играть роль косвенного дополнения в предложении, сочетаясь не только с глаголом, но и с прилагательным. Примеров подобного употребления супина множество, как в письменной, так и разговорной речи, причём супин может сочетаться с прилагательным не только при помощи предлога *de*: *demn de luat în considerație* ‘достойный **быть принятым** во внимание’, *gata de plecat* ‘готовый **уехать**’, *moale la pipăit* ‘мягкий на **ощупь**’. Некоторые из этих прилагательных демонстрируют более широкую сферу сочетаемости – так, с прилагательным *gata* ‘готовый’ могут сочетаться как супин, так и инфинитив, и отглагольное существительное (долгий инфинитив), причём, с семантической точки зрения, эти сочетания будут синонимичны друг другу: *gata de plecat* (супин), *gata de a pleca* (инфинитив), *gata de plecare* (существительное) ‘готовый **уехать**’. В то же время прилагательное *demn* ‘достойный’ обычно предпочитает сочетания с супином (*demn de urmat* ‘достойный **подражания**’, *demn de citit* ‘достойный

⁷ Конструкции глагола *a avea* ‘иметь’ с инфинитивом со значением долженствования присутствуют и в современном языке, но особенно они были распространены в XIX веке: *N-am niciodată a-l vedea* [15, с. 167] ‘Я никогда не **должен** его **видеть**’.

⁸ Подобные конструкции встречаются и в более ранних текстах, например, в прозе Эминеску: *...cred a relua adevăratele mele vestimente* [14, с. 65] ‘... я **думаю** вновь **надеть** свою настоящую одежду’.

прочтения), а с инфинитивом уже проявляет большую избирательность – или сочетается с инфинитивом глагола ‘быть’⁹ (*demn de a fi în Cartea Recordurilor* ‘достойный **быть** в книге рекордов’), или с инфинитивами, выражающими страдательный залог (*demn de a fi citit* ‘достойный **быть прочитанным**’). А прилагательные типа *moale / tare* ‘мягкий / твёрдый’, *plăcut* ‘приятный’ и др. сочетаются только с супином (*tare la pipăit* ‘твёрдый на **ощупь**’, *plăcut de ascultat* ‘приятный для **прослушивания**’), причём на месте супина может оказаться долгий инфинитив, т. е. существительное (*moale la pipăire* ‘мягкий на **ощупь**’, *plăcut de ascultare* ‘приятный для **прослушивания**’), но не собственно глагольный краткий инфинитив.

В атрибутивной функции инфинитив и супин воспроизводят модель «существительное + существительное». Для супина атрибутивная функция является одной из наиболее частых синтаксических позиций. Эта глагольная форма, в отличие от инфинитива, может служить определением и к абстрактным, и к конкретным существительным: *La un moment dat a apărut mașina de tocat carne* [23, с. 133] ‘В определённый момент появилась мясорубка (досл. **машина для рубки мяса**)’ или *Se creează o vânzoleală de nedescris...* [23, с. 30] ‘Начинается **суматоха, не поддающаяся описанию**...’. Причём, определяя конкретные существительные, супин может иногда выражать значение долженствования (*o treabă de făcut* ‘дело, которое **нужно сделать**’, *o scrisoare de trimis* ‘письмо, которое **нужно отправить**’), но чаще он лишён модальной семантики и обозначает предназначение предмета (*un fier de călcat* ‘утюг’, *o mașină de spălat* ‘**стиральная** машина’, *o mașină de tăiat iarbă* ‘газонокосилка’, *o perie de curățat geamuri* ‘щётка для **чистки** стекол’). В целом, для супина более характерны сочетания с конкретными существительными, хотя примеры атрибутивных сочетаний супина с абстрактными существительными отнюдь не единичны: ... *reveni Matilda cu o nouă năvală de plâns* [20, с. 63] ‘...опять принялась Матильда под новым **натиском слёз** (досл. под натиском **плача**)’.

Инфинитив в функции определения может появляться только при абстрактных существительных, т. е. в данной синтаксической позиции сфера его употребления несколько сужена, по сравнению с супином. Отметим, что ещё сравнительно недавно атрибутивные сочетания инфинитива в румынском языке рассматривались некоторыми

исследователями как непродуктивные [3, с. 169], однако современный материал свидетельствует об обратном – в настоящий момент неуклонно растёт употребление инфинитива в сочетании с абстрактными существительными (прежде всего, в письменной речи – художественной литературе и публицистике) [24, с. 24]. Приведём несколько примеров подобного употребления: *Aici e vorba despre a asista la o sinucidere* [23, с. 100] ‘Здесь **речь** идёт **о присутствии** при самоубийстве (досл. **речь о присутствовать**)’; *Mult timp am căutat tot felul de mijloace pentru a strânge bani* [23, с. 106] ‘Долгое время я искал всевозможные **средства [чтобы] скопить деньги**’. В функции определения можно встретить и инфинитив прошедшего времени: *Îi admir înțelepciunea de a se fi gândit la toate, inclusiv la cheltuielile de înmormîntare* [23, с. 107] ‘Я восхищаюсь его **мудростью продумать** всё [заранее], в том числе расходы на похороны’. Примечательно, что инфинитив и супин практически не встречаются в «перекрёстных» позициях – они крайне редко определяют одни и те же абстрактные существительные, демонстрируя избирательность в сочетаемости (нельзя перевести **мудрость продумать** как *înțelepciunea de gândit** вместо *înțelepciunea de a se fi gândit* или **присутств. слёз** (досл. **натиск плача**) как *năvală de a plânge** вместо *năvală de plâns*).

Ещё одной позицией, характерной для обеих форм в предложении, является позиция обстоятельства цели. Для инфинитива из всего спектра обстоятельственных функций позиция обстоятельства цели является наиболее распространённой, ввиду того, что инфинитив по своей природе имеет целевую направленность. В этой функции инфинитив выступает в сочетании с предлогами *pentru* ‘для’ или *spre* ‘для’: *Ieronim sentisese pe patu-i și dedese-ntr-o parte perdeaua de la fereastră, spre a se uita cum luna arunea în râu...* [12, с. 96] ‘Иероним растянулся на кровати и отодвинул в сторону занавеску, **чтобы посмотреть**, как луна погружается в реку...’ или *Transportatorii au convins Guvernul să modifice legislația pentru a elimina concurența «piratilor» rutieri și a serviciilor gen Uber* [17] ‘Перевозчики убедили правительство изменить законодательство **с целью уничтожения** (досл. **чтобы уничтожить**) конкуренции со стороны дорожных «пиратов» и служб типа Убер’. Несколько реже в функции обстоятельства цели встречается супин, хотя данную синтаксическую позицию у него нельзя назвать слабой:

⁹ Возможно потому, что супин от глагола *a fi* ‘быть’ образовать нельзя (формы типа *de fost** считаются нелитературными).

A așteptat să descrească luna, să nu mai iasă Oana la scâldat în toiul nopții... [11, с. 66] 'Он ждал, чтобы луна пошла на убыль и Оана больше не ходила **купаться** среди ночи...'

Отметим, что список общих синтаксических позиций румынского инфинитива и супина был бы неполным без упоминания о предикативных функциях этих глагольных форм. Ввиду их семантической близости с именем существительным, обе формы способны выполнять функцию именной части составного именного сказуемого: *a iubi înseamnă a ierta* 'любить значит **прощать**' (инфинитив) или *casa este de vândut* 'дом, который **надо продать**' (супин). Как было отмечено выше, супин в сочетании с глаголом *a fi* 'быть' нередко выражает значение долженствования, хотя в случае с отрицательной формой супина модальность отсутствует и супин по значению сближается с именем прилагательным: *căldura este de nesuportat* 'жара **невыносимая**', что очевидно и при переводе на русский язык. Таким образом, спектр значений супина в позиции именной части составного именного сказуемого оказывается шире, чем у инфинитива, причём супин семантически сближается с существительным только в конструкциях типа *această perie este de curățat geamuri* 'эта щётка – для **чистки** стекол', где и на русский язык он передаётся существительным¹⁰ (*чистка*). В примерах же типа *casa este de vândut* 'дом, который **надо продать**' или *căldura este de nesuportat* 'жара **невыносимая**' сочетания супина с глаголом 'быть' переводятся на русский язык либо придаточным предложением (*который надо продать*), либо прилагательным (*невыносимая*). Примечательно, что при сохранении модальности супин больше проявляет себя как глагольная форма, в то время как при утрате модальности он сближается с именными частями речи.

Предикативные функции инфинитива и супина не ограничиваются позицией именной части составного именного сказуемого, ведь эти формы, в отличие от других неличных форм глагола румынского языка (причастия и герундия) способны и к независимому употреблению в качестве простого глагольного сказуемого. Подобные конструкции, как правило, представляют собой приказ, высказанный в жёсткой форме: *A nu se rupe florile!* 'Не **рвать** цветы!' (инфинитив); *De rezolvat primele cinci exerciții!* 'Сделай **(реши)** первые пять упражнений!' (супин). Иногда эти

формы в позиции простого глагольного сказуемого имеют характер рекомендации: *De notat că nimeni n-a fost împotriva*. 'Заметим (досл. [надо] **заметить**), что никто не был против' (супин); *A se păstra la loc uscat și răcoros*. 'Храни **ть** в сухом, прохладном месте' (инфинитив). По мнению исследователей, подобное употребление инфинитива (со значением рекомендации) пришло в румынский язык из французского языка сравнительно недавно, и поэтому долгое время практически не присутствовало в разговорной речи [19, с. 417-418]. Употребление супина в функции простого глагольного сказуемого также является атрибутом скорее письменной речи, но в отличие от инфинитива, супин в данной синтаксической позиции может присоединять придаточное предложение (*De notat că nimeni n-a fost împotriva*. 'Заметим (досл. [надо] **заметить**), что никто не был против'), что для инфинитива-рекомендации не характерно (нельзя сказать *a nota că**...).

Проведённый анализ синтаксических функций общих для инфинитива и супина показывает, что в большинстве рассмотренных конструкций исследуемые единицы не так часто выступают в качестве взаимозаменяемых форм, хотя в лингвистической литературе приводилось немало доводов в пользу их дублетности. В этих общих позициях, перечень которых даётся ниже, есть конструкции, в которых обе формы оказываются синонимичными друг другу, однако в большей части конструкций были выявлены факторы, чётко разграничивающие их употребление.

Так, в позиции подлежащего в составе конструкции глагола 'быть' и модального наречия (*e greu/ușor* 'трудно/легко' и др.) возможны и супин, и инфинитив, однако сочетания с супином превалируют как в разговорной, так и в письменной речи. В то же время при глаголе *a însemna* 'значить' в роли подлежащего предпочтение отдаётся инфинитиву.

В функции дополнения при некоторых глаголах и прилагательных (типа *a se arisa* 'взяться' или *gata* 'готовый') возможны обе формы, однако многие глаголы и прилагательные проявляют избирательность – сочетаются только с инфинитивом или супином. Например, среди фазисных глаголов глагол *a începe* 'начинать' присоединяет только инфинитив (*începe a cânta* 'начинает **петь**'), а глаголы *a termina*, *a sfârși* 'заканчивать' – только супин (*termină de scris* 'заканчивает **писать**'). Также и прилагательные типа *plăcut* 'при-

¹⁰ Однако и здесь супин ведёт себя как глагольная форма, т. к. имеет прямое дополнение – *de curățat geamuri* 'досл. **чистить** стекла'.

ятный', *moale* 'мягкий', *tare* 'твёрдый' сочетаются только с супином (*plăcut de ascultat* 'приятный для прослушивания').

В атрибутивной функции сфера сочетаемости супина оказывается шире, чем у инфинитива, т. к. последний употребляется только при абстрактных существительных, а супин может играть роль определения, как при абстрактных, так и при конкретных существительных. Более разнообразным оказывается и спектр значений супина в функции определения – он может обладать модальной семантикой (*o problemă de dezbătut* 'проблема, которую надо обсудить') или выражать предназначение предмета без значения долженствования (*o hârtie de scris* 'нечая бумага'). Однако, несмотря на ограничение сочетаемости, функция определения для инфинитива на сегодняшний день является одной из наиболее распространённых. Число отвлечённых существительных, предпочитающих инфинитив в роли определения, неизменно растёт¹¹. При этом немногие абстрактные существительные допускают и инфинитив, и супин в атрибутивной позиции (например, существительное *stare* 'состояние'), большинство же из них способны сочетаться только с одной из форм.

Среди обстоятельственных функций «перекрёстной» позицией для обоих вербоидов является функция обстоятельства цели, однако более распространённой она оказывается у инфинитива, хотя и в семантике супина присутствует целевое значение.

В составе составного именного сказуемого инфинитив и супин зачастую предпочитают разные связочные глаголы или при одном и том же связочном глаголе выражают разные значения (так, в сочетании с глаголом 'быть' инфинитив семантически сближается с существительным, а супин может выражать большую глагольность, т. к. обладает значением долженствования).

Наконец, обе формы способны играть роль простого глагольного сказуемого, причём подобное употребление более характерно для письменной речи. Отметим, что наблюдается некоторая стилистическая дифференциация в использовании инфинитива и супина в функции простого глагольного сказуемого. Так, например, инфинитив часто встречается в разного рода инструкци-

ях и ссылках (*a se păstra la loc răcoros* 'хранить в прохладном месте'), в то время как супин в подобных контекстах не используется.

Предпринятый нами анализ не подтверждает получившую в XX веке широкое распространение гипотезу о постепенном исчезновении инфинитива из румынского языка, а также гипотезу об отсутствии супина в системе румынских неличных форм глагола. На наш взгляд, прогнозы об исчезновении инфинитива не оправдываются уже потому, что в контексте романской языковой семьи румынский язык обнаруживает тенденцию не только к сохранению, но и к расширению сферы употребления этой глагольной формы. Во многом об этом свидетельствует актуализация конструкций с инфинитивом в атрибутивной функции и в позиции дополнения в современном румынском языке. Также было бы необоснованным оспаривать глагольность супина в современном румынском языке, рассматривая его исключительно как существительное. Несмотря на то, что супин в большинстве европейских языков был вытеснен инфинитивом, для румынского языка эта глагольная форма остаётся явлением живым, как для разговорной, так и для письменной речи. Доказательством этому служит обилие синтаксических функций (в том числе, предикативных), в которых возможно употребление супина с самой разнообразной семантикой. В современном румынском языке наблюдается тенденция не к упрощению (когда вербоиды утрачивают глагольность и переходят в разряд имён), а к компликации и диверсификации системы неличных форм глагола, что характерно для языков, достигших достаточно высокого уровня развития. Мы видим, что инфинитив и супин обладают широким спектром общих синтаксических позиций, однако между ними нет полного функционального сходства. Несмотря на то, что в ряде конструкций оба вербоида выступают в качестве взаимозаменяемых единиц, интенсивного вытеснения одной формы другой не наблюдается во многом ввиду того, что каждая форма обладает собственным «списком» наиболее характерных для неё приглагольных и приименных позиций и зачастую используется в разных функциональных стилях речи.

⁹ Присубстантивный инфинитив продолжает быть одной из наиболее продуктивных моделей в современном румынском языке [6, с. 77]

Список литературы

1. Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс. Л.: Наука, 1967. 279 с.
2. Кабанова А. С. Неличные формы глагола в современном румынском языке: комплексный анализ: автореферат дис. канд. филол. наук. М.: Изд-во «МГИМО-Университет» 2012. 18 с.
3. Лухт Л. И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык, М.: Наука, 1970. 218 с.
4. Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков, М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 152.
5. Свешникова Т. Н. Некоторые наблюдения над синтаксисом приглагольного и присубстантивного инфинитива в балканских языках. Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 69-79.
6. Свешникова Т. Н. Основные типы конструкций с отглагольным именем в балканских языках. Сов. славяноведение №2, 1979. С. 80-94.
7. Таривердиева М. А. Неличные формы латинского глагола и модальность. // Colloquia Classica et Indogermanica – IV. Труды ИЛИ РАН – Т. IV. Ч. 1. СПб., 2008. С. 261-274.
8. Caragiu-Marioțeanu M. Moduri nepersonale. Studii și cercetări lingvistice, XIII, 1, 1962. P. 24-44.
9. Dragomirescu A. Observații despre supinul nominal și relația cu infinitivul nominal în texte din secolul al XVI-lea. Lucrările celui de-al cincilea Simpozion Internațional de Lingvistică, București: Editura Univers Enciclopedic Gold, 2015. P. 252-263.
10. Dragomirescu A. Particularități sintactice ale limbii române în context romanic. Supinul, București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013. P. 294.
11. Eliade M. Pe strada mântuleasa. Madrid: Caiete inorogului, 1968. P. 127.
12. Eminescu M. Cezara. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
13. Eminescu M, Criticilor mei. Poezii antume. Pitești: Editura Paralela 45, 2006. P. 237.
14. Eminescu M, Sărmanul Dionis. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
15. Gheție I. Istoria limbii române literare, București, 1978. P. 267.
16. <http://www.mediafax.ro>
17. <https://www.profit.ro>
18. Iliescu Adrian-Paul. Introducere în politologie. București, 2002. P. 176.
19. Iordan I. Limba română contemporană, București: Min. învățămîntului, 1956. P. 830.
20. Rebreanu L. Ciuleandra. Chișinău: Ed. Cartier, 2007. P. 136.
21. Rosetti, Al. Istoria limbii române, vol. I, ediția a treia, revăzută și adăugită, București: Editura Științifică. 1960. P. 228.
22. Sandfeld-Jensen, Kristian. Der Schwund des Infinitivs in Rumänischen und in den Balkansprachen. Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache, IX, 1902. P. 75-77.
23. Teodorovici L. D. Circul nostru vă prezintă. Iași: Polirom, 2007. P.215.
24. Vilceanu R. A. Scurtă privire asupra infinitivului în limba română actuală. Analele Universității de Vest din Timișoara. Seria științe filologice, LI-LII, Editura Universității de Vest din Timișoara, 2013-2014. P. 19-27.

Сведения об авторе:

Кабанова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика румынского языка, сравнительная грамматика романских языков, синтаксис и художественный перевод. E-mail: anna_kabanova@mail.ru.

ON THE PROBLEM OF THE DOUBLET PHENOMENON OF THE INFINITIVE AND THE SUPINE IN CONTEMPORARY ROMANIAN

Anna S. Kabanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *This paper focuses on the common syntactic usage of the Infinitive and the Supine in the contemporary Romanian language. These two non-finite verbal forms continue to represent an extremely debated issue, because of their unusual diachronic change – in the process of the evolution of Romanian the long Infinitive has been nominalized while the verbal Noun (nominal Supine), on the contrary, has developed gradually into the verbal Supine. As a result of this process in the Romanian language have*

appeared and coexist two non-finite verbal forms which are often used in the same syntactic positions. Most studies regarding the problems of the Infinitive and the Supine were dedicated to the competition of these forms with the Conjunctive, but the goal of this paper is to research the syntactic behavior of these two forms and the relationship within this pair. The comparative analysis of the common syntactic positions of the Infinitive and the Supine and of their distribution within every syntactic position allowed us to draw the conclusion that the Infinitive and the Supine have a rich set of common syntactic functions, but there is no complete functional similarity between them. Each form demonstrates its own list of semantic-grammatical characteristics, different valence, compatibility and stylistic selectivity that determines its syntactic behavior.

Key Words: *the contemporary Romanian language, non-finite verbal form, the Infinitive, the Supine.*

References

1. Gabinskii M. A. Voznikovenie infinitiva kak vtorichnyi balkanskii iazykovoi protsess. [The Emergence of the infinitive as a secondary Balkan language process]. Leningrad: Nauka [Science], 1967, p. 279.
2. Kabanova A. S. Nelichnye formy glagola v sovremennom rumynskom iazyke: kompleksnyi analiz: avtoreferat dis. kand. filol. nauk [The non-finite verbal forms in the contemporary Romanian language: complex analysis. Doct. Diss] Moscow: MGIMO-Universitet [MGIMO-University] 2012. p.18.
3. Lukht L.I. Sravnitel'no-sopostavitel'naia grammatika romanskikh iazykov. Rumynskii iazyk. [Comparative grammar of the Romance languages. The Romanian language]. Moscow: Nauka [Science], 1970. p. 218.
4. Referovskaia E. A. Istoki analitizma romanskikh iazykov [The origins of analytism of the Romance languages]. Moscow: LKI, 2007, p. 152.
5. Sveshnikova T. N. Nekotorye nabludeniia nad sintaksisom priglagoľ'nogo i prisubstantivnogo infinitiva v balkanskikh iazykakh. Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Iazyk v etnokul'turnom aspekte. [Some observations over the verbal and the nominal syntactic constructions with the infinitive in the Balkan languages. Slavic and Balkan linguistics. Language in ethnocultural aspect]. Moscow, 1984. pp. 69-79.
6. Sveshnikova T. N. Osnovnye tipy konstruktssii s otglagoľ'nym imenem v balkanskikh iazykakh. [The main types of verbal noun constructions in the Balkan languages]. Sov. slavianovedenie. [Soviet Slavic studies] no. 2, 1979. pp. 80-94.
7. Tariverdieva M.A. Nelichnye formy latinskogo glagola i modal'nost'. [The non-finite verbal forms of the Latin verb and modality].// Colloquia Classica et Indogermanica – IV. Trudy ILI RAN [Proc. ILI RSA]– V. IV. P. 1. S.-Petersburg, 2008. p. 261-274.
8. Caragiu-Marioțeanu M. Moduri nepersonale. Studii și cercetări lingvistice, XIII, 1, 1962. P. 24-44.
9. Dragomirescu A. Observații despre supinul nominal și relația cu infinitivul nominal în texte din secolul al XVI-lea. Lucrările celui de-al cincilea Simpozion Internațional de Lingvistică, București: Editura Univers Enciclopedic Gold, 2015. P. 252-263.
10. Dragomirescu A. Particularități sintactice ale limbii române în context romanic. Supinul, București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013. P. 294.
11. Eliade M. Pe strada mântuleasa. Madrid: Caiete inorogului, 1968. P. 127.
12. Eminescu M. Cezara. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
13. Eminescu M. Criticilor mei. Poezii antume. Pitești: Editura Paralela 45, 2006. P. 237.
14. Eminescu M, Sărmanul Dionis. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
15. Gheție I. Istoria limbii române literare, București, 1978. P. 267.
16. <http://www.mediafax.ro>
17. <https://www.profit.ro>
18. Iliescu Adrian-Paul. Introducere în politologie. București, 2002. P. 176.
19. Iordan I. Limba română contemporană, București: Min. învățămîntului, 1956. P. 830.
20. Rebreanu L. Ciuleandra. Chișinău: Ed. Cartier, 2007. P. 136.
21. Rosetti, Al. Istoria limbii române, vol. I, ediția a treia, revăzută și adăugită, București: Editura Științifică. 1960. P. 228.
22. Sandfeld-Jensen, Kristian. Der Schwund des Infinitivs in Rumänischen und in den Balkansprachen. Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache, IX, 1902. P. 75-77.
23. Teodorovici L. D. Circul nostru vă prezintă. Iași: Polirom, 2007. P.215.
24. Vîlceanu R. A. Scurtă privire asupra infinitivului în limba română actuală. Analele Universității de Vest din Timișoara. Seria științe filologice, LI-LII, Editura Universității de Vest din Timișoara, 2013-2014. P. 19-27.

About the author:

Anna S. Kabanova – PhD, Senior Lecturer of Department of Languages of Central and South-Eastern European Countries, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Romanian grammar, comparative grammar of the Romance languages, syntax and literary translation. E-mail: anna_kabanova@mail.ru.

* * *